

базовые знания. К началу 1990-х гг. количество учеников школ и учебных заведений, изучающих русский во Франции, составляло 28,5 тыс. человек. А сейчас – вдвое меньше, хотя потребность в русском языке сегодня, конечно, гораздо больше: около тысячи французских фирм присутствуют в России, да и в целом интенсивность российско-французских отношений такова, что постоянно требуются переводчики, специалисты по России»¹¹.

Во Франции интерес к русскому языку, так же как и к французскому в России, часто носит личностный характер: русский язык изучается главным образом не по социальной необходимости, а в силу индивидуальной увлеченности французов русской культурой, историей, литературой, искусством. Исследователи отмечают, что в средних школах Франции русский язык всегда изучался больше, чем в других западноевропейских странах. Особенно велик этот интерес был в 50-е гг. XX столетия. В 60–80-е гг. он достиг апогея, в 90-е годы значительно снизился, но в настоящее время стремительно возрастает¹².

Примечания

¹ См.: Алтатов В.М. Языковая политика во Франции и в других странах // Российская франкофония: Материалы XIII сессии Российской Ассоциации преподавателей французского языка. Москва, 20–21 марта 2001 г. М., 2001. С.13.

² *Mikhal'chenko V.* La langue russe dans le monde contemporain // La langue russe dans le monde contemporain. S.1; s.d. P.345.

³ Voir: *Jetchev G.* Diversité et articulation des enseignements linguistiques en Bulgarie: place du français // Dialogues et cultures, 2005. № 50. Le français, le défi de la diversité. Actes du XIe congrès mondial des professeurs de français. Atlanta (USA), 19–23 juillet 2004 (CD). P.431.

⁴ См.: *Шаукова С.А.* Nouvelles approches de l'enseignement du français en Biélorussie // Российская франкофония: Материалы XIV сессии Российской Ассоциации преподавателей французского языка. Москва, 28–29 марта 2002 г. М., 2002. С.23.

⁵ Voir: *Bourlo V.* Innovations dans l'enseignement du français en Biélorussie (état actuel, problèmes, perspectives) // Dialogues et cultures, 2005. № 50. Le français, le défi de la diversité. Actes du XIe congrès mondial des professeurs de français. Atlanta (USA), 19–23 juillet 2004 (CD). P.440.

⁶ *Kryuchkov G.* Rôle du français dans un contexte de multilinguisme en Ukraine français // Dialogues et cultures, 2005. №50. Le français, le défi de la diversité. Actes du XIe congrès mondial des professeurs de français. Atlanta (USA), 19–23 juillet 2004 (CD). P.438.

⁷ См.: *Морозова Т.С.* Французский язык в школах Ярославля // <http://www.yspu.yar.ru/msk-conf>

⁸ *Zamorschikova L.* La politique linguistique et l'enseignement du français en République Sakha (Yakoutie-Russie) // Dialogues et cultures, 2001. №45; Modernité, diversité, solidarité. Actes du Xe congrès mondial des professeurs de français. Paris, 17–21 juillet 2000. P.174.

⁹ См.: http://www.amba.lco.ru/rus/culture/coop_ling_sector2

¹⁰ <http://www.france.mid.ru/rus/news>

¹¹ Voir: *Groppo A.* L'enseignement des langues étrangères à l'Université Paris X-Nanterre // Российская франкофония: Материалы XIII сессии Российской Ассоциации преподавателей французского языка. Москва, 20–21 марта 2001 г. М., 2001. С.71.

¹² Русская мысль. 2004. 28 окт.–3 нояб. №39.

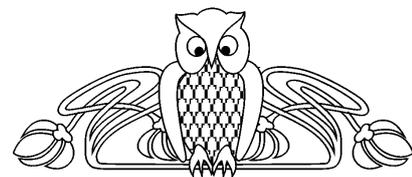
УДК 808.2 – 06

ПРОСТРАНСТВО АССОЦИАТИВНОГО ФОНА СОБЫТИЯ В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ

О.В. Мякшева

Саратовский государственный университет,
кафедра русского языка и речевой коммуникации
E-mail: rusyazsgu@mail.ru

В статье на материале текстов современных газет рассматривается проблема формирования в них пространств, основанных на явлении вторичного лингвосомиозиса. Анализируются механизмы формирования пространства ассоциативного фона события, утверждается, что ориентиры, манифестирующие данное пространство, позволяют легче воспринять основную информацию текста и, – что особенно важно для публицистического дискурса, – завуалировать в образную форму пристрастную оценку, влиять на восприятие мира.

Associative Background Space in Newspaper Texts

O.V. Myaksheva

The materials from the current newspapers are used to analyze the formation of spaces based on the phenomenon of secondary linguosomiosis. The mechanisms of formation of spaces of associative background of events are considered, leading to the conclusion that the manifestations of a given space contribute to perception of the main information of the text, and what is most important for the press discourse – they can mask by recurring to images the partisan opinions, they influence the reader's perception of the world.

Обязательная для содержания всякого текста СМИ пространственная конкретизация (*где?*) в газетных текстах манифестируется преимущественно в четырех типах: пространство реального события, пространство контактного фона реального события, концептуальное пространство (политическое, экономическое, социальное, конфессиональное, культурное и т.д.), пространство ассоциативного фона события. Под реальным пространством мы понимаем такие манифестации ориентации человека и предметов, актуальных для его ориентации, которые являются зримыми компонентами отображаемой ситуации, пространством контактного фона реального события мы называем такие манифестации, которые являются зримыми компонентами других ситуаций, привлекаемых автором в связи с целеустановкой текста, концептуальным пространством в работе считаются такие манифестации (чаще – умозрительных сущностей), которые существуют в ментальной сфере деятельности человека, эти характеристики вторичны, они «списаны» с опыта реальной ориентации. Пространство ассоциативного фона события, которое является предметом рассмотрения в данной статье, наиболее тесно связано с воздействующей функцией языка масс-медиа. Будучи продуктом вторичного лингвосомиозиса, ориентиры пространства ассоциативного фона события вводятся в газетный текст в первую очередь из-за их коннотативной ауры, существующей в реальном пространстве или образуемой в результате «смены» денотата¹.

В качестве материала анализа взяты тексты «Российской газеты» (РГ), «Комсомольской правды» (КП), «Известий» (Изв.) за 2006 год, но, по мере необходимости, и за 2002, 2003 и 2007 гг., а также газет «Аргументы и факты» (АиФ), «Спорт-экспресс». В процессе анализа материала учитывается следующее композиционное членение газетных текстов: заголовок (дается прописными буквами), подзаголовок, предтекстовая врезка, основной текст, внутритекстовые врезки, завершающая текст фраза.

Концептуальное пространство и пространство ассоциативного фона события (ПАФС) объединяет то, что их формирование основано на явлении вторичного лингвосомиозиса.

Пространственные отношения в физическом мире характеризуются прагматической ясностью и потенциальной образностью, что предопределяет активное использование языковых средств с данной семантикой в метафорическом значении².

Особенно интенсивно ориентиры ПАФС используются в заголовках и текстах политических статей. Заголовки: **НА ПОРОГЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОРЫВА** (Изв.16.06.06); **КАК СПАСТИСЬ ОТ ЧЕРНОЙ КОШКИ НА УЗКОЙ ДОРОЖКЕ** (прочируем и часть предтекстовой врезки: **Среди православия суеверия распространились столь широко, что стали предметом серьезной озабоченности церкви** – Изв. 15.06.06); **НАШЕ БУДУЩЕЕ: ТОПЛИВНАЯ ИМПЕРИЯ ИЛИ КОЧЕГАРКА ЕВРОПЫ?** (Изв. 17.01.06) (выделен здесь и далее пространственный ориентир).

В итоге формирования концептуального пространства утрачивается установка на прямую номинативную преобладанность с предметом первичного знакообозначения, в результате чего вторичная номинация теряет семантический коннотативный «шлейф» первичной, оставляя в своей семантике только рациональные, ментальные смыслы. Можем предположить, что логико-вербальная система обработки информации, базирующаяся на пространственно-образной, при формировании концептуального пространства заимствует (или, точнее, использует из последней) только рациональные смыслы.

Материал толковых словарей³ показывает, во-первых, что далеко не всякая лексема со значением пространственной ориентации может быть подвергнута процессу метафоризации⁴. Во-вторых, употребление лексем со значением пространственной ориентации при формировании концептуального пространства в публицистических текстах в основном не противоречит их словарному метафорическому потенциалу, что вполне понятно: чтобы быть зафиксированными в словаре, лексеммы должны хорошо «зареккомендовать себя» в употреблении, что в функциональном, или, точнее, когнитивно-дискурсивном аспекте означает – превратиться в штамп, т.е., увы, в большинстве случаев потерять образность. Приведем в качестве примеров следующие слова, активно исполь-

зюемые в концептуальном пространстве: *сторона, сфера, область, коридор, рамки, поле, окно, порог, барьер, база* и т.д.

Однако данные и подобные лексемы могут употребляться и в ПАФС, сохраняя (или возвращая?) метафорическую образность, коннотативный шлейф. Для этого необходимо, во-первых, «ярче обнаружить» пропозицию, из которой взята номинация, т.е. восстановить такие компоненты ситуации-первоосновы, которые вернут ее коннотативный шлейф – сопровождающую данный предмет и всю ситуацию конкретную оценку события, связанную с реальным пространством. Например, как только автор текста, в котором выражено концептуальное пространство, вводом глагольной лексемы расширяет «пропозициональную основу» высказывания с пространственной метафорой, соответствующей денотату-прототипу этой метафоры, фраза становится экспрессивно окрашенной и переходит в средства, формирующие ассоциативный фон события. Сравните употребление лексемы *поле* в сугубо ментальном значении: *Перечислив шаги, предпринятые российскими властями на финансовом поле (снятие барьеров на пути капиталов, рублевая нефтяная биржа), вице-премьер заявил – «наша валюта могла бы стать одной из резервных»* (РГ 14.06.06) и в оценочном контексте, например, в ком-ментарии К. Затулина в связи со смертью С. Ниязова: *От наследования трона были отрешены все, даже сын Ниязова, 39-летний Мурад, больше пребывал в европах, где торговал сигаретами и газом. Потому что Туркменбаши репрессировал всех, кто хоть как-то вырос на политическом поле и колол ему глаз* (КП 22.12.06). Устойчивое сочетание *правовое поле* при обозначении концептуального пространства употребляется изолированно от других компонентов пропозиции прямого денотата ситуации (см. пример выше), в последнем случае глаголы *выростал* и, вероятно, *колол* не позволяют освободиться от образа реальной ситуации, что влечет за собой экспрессивность, выразительность фразы. В предтекстовой врезке к статье *В ДУМЕ УЖЕ ВЕСНА: Только что народные избранники вместе со всем народом отгуляли новогодние каникулы, как вновь наступает пора возделывать правовое поле, заполнять законодательные прорехи и пробелы* (РГ

11.01.06) глагол *возделывать*, с одной стороны, «восстанавливает» пропозицию физической сферы, а с другой – своей «высокой, книжной» окраской создает стилистический «разнобой» (см. *прорехи, пробелы*), что в совокупности формирует несколько ироническое отношение журналиста (и адресата) к *народным избранникам*.

Влияние контекстного окружения на процесс оживления метафоры часто отмечается лингвистами. «Определение метафоры может характеризовать ее реальный денотат, а сказуемое выбирается так, чтобы было соблюдено «поверхностное» семантическое согласование, т.е. согласование с фиктивным денотатом метафоры. Ср.: *Вдруг из кухни выползает эта рыжая (длинноволосая) змея и начинает всех жалить; Этот очкастый (долговязый) крокодил готов всех проглотить*. В подобных случаях предикат метафоризируется вслед за субъектом. Развертывание метафоры, т.е. последовательное осуществление семантического согласования сквозь всё предложение, превращает метафору в образ (как особый художественный приём)⁵. «Оживление» метафоры введением сказуемого – глагола конкретного действия в отвлеченной фразе демонстрируется, в частности, такими примерами из нашего материала: *Нам не дают не только зацепиться, но и показаться на европейском рынке* (РГ 01.06); *Страна застыла в стартовой позе и не прыгает* (КП 28.12.06).

Приведем пример употребления лексемы *площадка* в переносном значении, которое описывается толковыми словарями, правда, в составе устойчивого сочетания *стартовая площадка* как `о том, что служит основой, дает толчок к успешной работе⁶: *Саммиты Содружества (минский – не исключение) служат скорее площадкой (весьма удобной) для достаточно плодотворного двустороннего общения, чем для принятия коллективных решений* (РГ 30.11.06). Уточнение *весьма удобной* «намекает» на пропозициональную основу реальной ситуации, в которой возможно употребление лексемы *площадка*, возвращая нас к восприятию этого слова в значении `небольшой ровный участок земли⁷. Важно отметить и то, что семантика личного ощущения, выраженная в оценочном прилагательном, еще более «субъективизирует» фразу.

Переход в процессе размышлений из концептуального пространства в ПАФС и обратно демонстрирует, например, такой фрагмент диалога: 1. *Наши экономические успехи – это результат **тепличных условий** для нашей промышленности. Разрушь **теплицу** – все разорятся.* – 2. *Членство ВТО никак не отразится на наших отношениях с Ираком. Это – компетенция ООН (РГ 12.01.06).* Во фразе первого участника диалога сочетание **тепличные условия** – штамп газетной речи, во второй фразе *Разрушь **теплицу*** происходит оживление метафоры, реплика второго участника диалога возвращает нас в область логических форм доказательств.

В статье-интервью с руководителем Роспотребнадзора Геннадием Онищенко *«ВЫПУСКАЙТЕ КАЧЕСТВЕННЫЙ ПРОДУКТ – И У НАС НЕ БУДЕТ ПРЕТЕНЗИЙ»* (Изв. 01.12.06) размышления, рациональные оценки чередуются с эмоциональными всплесками интервьюируемого, что влечет за собой чередование в тексте метафор концептуального и ассоциативного пространств. Рассмотрим один фрагмент: *Когда мы в прошлом году провели конкурс красоты **среди ВИЧ-позитивных девушек**, это был очень смелый шаг с их стороны. Победительница Светлана Изамбаева, можно сказать, буквально легла **на амбразуру животного страха** людей, который не был введен **в человеческое русло** нами, медиками.* Как видим, ориентиры концептуального пространства *с их стороны, среди ВИЧ-позитивных девушек* сменяются ориентиром ассоциативного фона события (из устойчивого сочетания *лечь на амбразуру* с распространяющим глагол компонентом *буквально легла* и само существительное *на амбразуру* с определением *животного страха*), затем снова ориентиром концептуального пространства – *в человеческое русло*. Кстати, в конце статьи возросший эмоциональный накал находит выход в емкой фразе, образный потенциал которой, списанный с опыта преодоления реального, физического пространства, помогает приблизиться к пониманию сути рассматриваемой проблемы: *К сожалению, **опрометью бежавшая вперед** либерализация рынка не давала нам наводить порядок.* В этой фразе особенно заметен характерный

для публицистики ракурс видения действительности, в которой **живут, действуют, чувствуют страны, города, регионы, столицы**, ментальные сущности, вроде либерализации, способны *опрометью бежать, рынки же – диктовать свои законы.*

Как видим, «оживление» «потухшей» метафоры – характерное для СМИ явление. Представляется, что одной из основных черт публицистического дискурса является следующая: считая себя проводником общественно важной информации, журналисты работают с официальными штампами, возможность «растолковывания» которых широкой аудитории заключается в объяснении их через конкретные образы. Но именно здесь и кроется «ловушка» для читателя – образ, выбранный журналистом, всегда «работает» на создание оценки события, явления, процесса, т.е. воздействует. Например, в газете «Известия» найдено яркое, образное воплощение оценки взаимоотношений России и Белоруссии на современном этапе: *Белорусское **направление** стало неким **пылесосом*** (10.01.07), в результате чего абстрактная номинация **направление** приобретает черты реального образа – **пылесос**. Можно привести множество подобных примеров, ограничимся еще одним. Абстрактное употребление лексемы **путь** «приземляется», переходит в образ в следующем контексте: *И если **пути** России и Украины лежат **через Европу**, то лучше идти **туда** вместе. **Не толкаясь локтями*** (РГ 13.03.02).

Второй путь «оживления» метафоры заключается в возможностях синонимии, в частности, в том, что пространственный ориентир-штамп (употребляющийся внутри устойчивого сочетания или самостоятельно) может заменяться ориентиром-синонимом или словом с близкими внешними, функциональными характеристиками, но обязательно с «незапятнанным публицистическим прошлым», свободным от клишированных формул.

И.В. Левонтина и А.Д. Шмелев, сравнивая в аспекте «когнитивной силы», роли в формировании русской языковой картины мира лексемы *пространство* и *простор*, утверждают, что слово *пространство* предполагает трехмерное понятие, систему координат, *простор* же – зримо воспринимаемое открытое пространство, чаще связанное с рав-

нинным степным пейзажем. Ученые говорят о комплексе ощущений, в частности любования, связанных с этим словом⁸. В качестве примера функционирования в публицистическом тексте данных слов (*пространство* и *простор*) приведем фрагмент полемики заостренной статьи В. Дымарского *БОЛЬШОЙ БРАТ–2* (РГ 30.11.06), посвященной обсуждению итогов саммита в Минске. В частности, в статье для указания на политические ориентиры проблемы дважды употреблена лексема *пространство*: *Первая выступает за сохранение СНГ, подразумевая под этим не столько даже организационную структуру, нацеленную на решение политических и экономических вопросов интеграции, сколько некое цивилизационное пространство, объединяющее народы бывшего СССР исключительно по историческим, культурологическим и ментальным признакам; Хотя Францию и Германию называют «моторами» европейской интеграции (сравнивая их с Россией и Казахстаном, которые могут стать такими же «моторами» на постсоветском пространстве), Евросоюз не признает никаких «больших братьев». Стремление подчеркнуть большую протяженность *постсоветского пространства* по сравнению с территорией *Евросоюза*, а также желание выразить свою оценку события заставляют автора заменить в конце статьи, в риторическом вопросе, нейтральную номинацию на лексему *простор*: *Нуждается ли в каких-либо доказательствах тот факт, что на постсоветских просторах понимание демократии намного более неоднородно, чем в Евросоюзе?* Вероятно, в данном контексте слово *простор* лишено семантики любования, в ней скорее присутствует коннотативная сема едкой усмешки, однако оценочность данной номинации позволяет рассматривать ее как компонент ПАФС. Иными словами, публицистика, используя культурные национальные концепты, несколько корректирует их внутреннюю сущность, приспособляя к своим задачам.*

Для концептуального пространства характерно употребление метафоры *окно*, которая выражает идею обеспечения «внешних связей»⁹. В близком значении в пространстве ассоциативного фона события используются лексемы *дверь*, *калитка*, *ворота*. Близость

функциональных признаков у данных денотатов покажем на таком примере: проникновение русского человека в американскую политику (и шире – жизнь) выражено в одном из газетных текстов (АиФ 16.01.07) «через тело» двух метафор, *окно* и *дверь*: *РУССКИЕ ПРОРУБИЛИ ОКНО В ВАШИНГТОН <...> Общаясь с молодыми людьми, которым сейчас 20–25 лет, я вижу, что они добьются многого – и в бизнесе, и в политике. Моя задача была *дверь* открыть. Приведем другие примеры употребления лексемы *дверь* и ее производных: *Мы не закрываем *дверь*, но политические и организационные проблемы реальны* (Изв. 14.06.06); *ДЕНЬ ПРИОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ; КАК ЛОМИТЬСЯ В ОТКРЫТУЮ ДВЕРЬ* (РГ 13.01.06). В статье *РАСПЛАТИСЬ И ЛЕТИ КУДА ХОЧЕШЬ* (РГ 20.12.06) идея внешних связей России выражена так: *Причем списки должны быть везде, где есть *калитки* через границу: будь то на Сахалине или в Калининграде. Ассоциативный фон лексемы *калитка* (ее зрительного образа – «узкий проход, лазейка») намекает на то, что *калиткой* не удастся воспользоваться.**

У некоторых лексем в публицистике есть «прочные» позиции в ПАФС, и объясняются они в первую очередь реальными характеристиками денотата в аспекте их восприятия человеком и свойствами публицистического дискурса, для которого такие характеристики актуальны. В отношении последнего замечания приведем мнение Н.Ф. Алефиренко: «Основным критерием (чаще всего бессознательного) выбора существующей в языке единицы номинации для использования ее в иной денотативной отнесенности служит сходство ее смыслового содержания с сигнификатом вторичного наименования»¹⁰. Сравним лексемы типа *коридор*, *окно*, *поле*, *порог*, тем более – *сфера*, *область*, *пространство* – с одной стороны, и *кухня*, *пропасть*, *кулуары*, *базар*, *бездна*, *окоп* – с другой. Употребление в текстах лексем первого ряда вполне возможно и без оценочных, воздействующих сем, что позволяет этим словам использоваться в значении концептуального пространства: *Если раньше вино «проходило» через 20 российских терминалов, то теперь для него останется *единственное «окно»** (Изв. 26.12.06); *Уникальное геогра-*

фическое положение будет использовано Россией для создания **транспортных коридоров** (РГ 14.06.06). В то же время употребительные в публицистическом дискурсе лексемы второго ряда почти в любом контексте сохраняют образность и оценочность. Определенное денотативное качество реалий, обозначенных данными словами, вероятно, не позволяет человеку при употреблении (и потреблении) данных слов абстрагироваться от коннотативной семы оценки. Приведем пример использования лексемы **кухня**: *Кто устроил «взрыв бытового газа» на политической кухне Украины?* (РГ 13.01.06). Большую временную протяженность функционирования подобных метафор ассоциативного фона доказывает, например, такая фраза: *Институт ядерной физики имени Будкера, который возглавляет Скринский, в советские годы называли островком капитализма, сейчас – островком социализма* (Изв. 14.06.06).

Думается, что не перейдут в номинации – абстрактные сущности такие лексемы, как *могила, пропасть, преисподняя, небеса, задворки, пьедестал, бездна, дыра* (захолустье, о ненадежном, слабом месте¹¹) и подобные. Они всегда будут дожидаться своего часа, «вспыхивать», подобно нашим эмоциям, и снова уходить в «запасники» ПАФС. Например, паника, характерная для атмосферы биржевых торгов, хорошо сочетается с рекламно-интригующей функцией заголовка, поэтому журналистам нередко достаточно сохранить в заголовке эмоции этой атмосферы, чтобы добиться внимания читателя к своему материалу. Приведем в качестве примера название статьи **ТРЕЙДЕРЫ СМОТРЯТ В БЕЗДНУ** (Изв. 14.06.06) об очередном «обвале» *российского фондового рынка* и обратим внимание на экспрессивную номинацию пространственного ориентира *бездна*. В начале статьи эмоциональный накал поддерживается вопросами *Это дно? Или хуже?, Сегодня мы увидим бездну!*, но после фразы *но все же ожидаемой катастрофы не произошло* текст возвращается к содержательной информации.

Приведем аналогичные примеры: *Графику можно рассматривать как действительно графику, а не в качестве виртуальных видений откуда-то из преисподней или*

с небес (Изв. 28.12.06); **АЛКОГОЛЬНЫЙ ТУПИК** (Изв. 26.06.06); *Государство стало своеобразным «третьим» в семейных отношениях, вытеснив отца на задворки семейной жизни* (Изв. 10.01.07); *А «таможенная дыра», обогатившая спекулянтов импортных автомобилей, уйдет в прошлое* (РГ 19.01.06); *Долгие годы сельское хозяйство ассоциировалось у нас с черной бездонной дырой: сколько туда денег ни вкладывай, все равно толку не будет* (РГ 12.01.07).

Рассмотрим, как меняется ассоциативный фон и – шире – типы пространств, типы метафор в зависимости от характера отношений между **сторонами** общественного процесса, а также в зависимости от политического заказа или, мягче, концепции издания (в качестве примера возьмем отношения России с государствами – бывшими республиками СССР).

Вспомним годы обещающей оптимистическое будущее атмосферы взаимоотношений Белоруссии и России. В статье **«ВОЛГА» ВПАДАЕТ В БЕЛОРУССКУЮ ЦНУ** (РГ 23.10.03) говорится о том, что *В октябре в лесах под белорусским местечком Ганцевичи, приместившимся на небольшой речке Цна, впадающей в Припять, в нескольких километрах от Барановичей, заступила на боевое дежурство уникальная российская станция системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН) «Волга»*. Из этой статьи мы также узнаем, что *Россия по договору с Беларусью получила землю и радар в долгосрочную аренду <...> «Волга» – небольшой тщательно охраняемый город, в любой момент способный перейти в полностью автономный режим <...> Уникальность суперадара не только в том, что он своим радиолокационным полем закрыл брешь в системе предупреждения о ракетном нападении, а и еще в том, что его создатели предусмотрели совершенствование всей аппаратуры*. Как видим, содержание статьи базируется на ориентирах реального (в лесах под белорусским местечком Ганцевичи и т.д.) и концептуального (Россия, Беларусь в семантической роли агентов, пространственная модель движения в абстрактном значении – **перейти в автономный режим**, «рациональная, мертвая» метафора **поле**) пространств. Приметами по-

ложительной оценки ситуации здесь являются отсутствие «человеческого фактора» (фамилии лидеров государств не упоминаются, а *Россия и Беларусь* как агенты лишены эмоциональных поступков: они не намекают, не дают себя вовлечь, а, например, получают землю), налицо близкий к научному объективный стиль изложения. Влияют на восприятие материала и положительные ассоциации у заголовка **«ВОЛГА» ВПАДАЕТ В БЕЛОРУССКУЮ ЦНУ** со строками любимой широкой аудиторией песни (*Кто сказал, что Волга впадает в Каспийское море? Волга в сердце впадает мое*) и у номинации *Беларусь* (кстати, уважительного официального именованья страны) со строками популярной песни (*Белая Русь ты моя*). В другой статье той же полосы газеты оптимистично утверждается, что *Нынешняя ситуация на нашем интеграционном поле отнюдь не является признаком некоего «цейтнота», как это поспешили представить некоторые СМИ*. Как видим, и здесь заметно стремление журналистов РГ уйти от назревающего конфликта и охарактеризовать ситуацию в умеренно доброжелательных тонах, преимущественно с использованием ориентиров концептуального пространства.

Как известно, отношения между Россией и Беларуссией к началу 2007 г. существенно осложнились, однако РГ пытается оставаться беспристрастной, предлагая на своих полосах только конструктивную информацию. В частности, разрешение «нефтяного» конфликта между Россией и Беларуссией представлено в статье с оптимистическим заголовком **ПОБЕДИЛА «ДРУЖБА»** (РГ 12.01.07) таким образом: в подзаголовке обещающе заявлено: *Сегодня российско-белорусский инцидент может быть исчерпан*, предтекстовая врезка эмоционально нейтральна: *Сегодня премьеры России и Беларуссии должны сообщить своим президентам об урегулировании конфликта между нашими странами*. Пространственная основа текста содержит номинации – пространственные ориентиры **Россия, Беларуссия** в позиции агентов конкретных политических действий (*Россия к тому же пошла на превентивный акт доброй воли; если Беларуссия отменит транзитную пошлину, «возобновление прокачки» означало согласие*

Белоруссии вернуть 79 тысяч тонн арестованной российской нефти), однако существенной и опасной для Беларуссии является информация газеты о том, что *Среди первых мер замминистра назвал усиление вывоза через Балтийскую трубопроводную систему, а также развитие восточного (на Китай и Японию) направления* <...>. Официальность и подчеркнутая строгость статьи отражается и в частотности лексемы **сторона** (5 раз в газетном тексте среднего объема), например: <...> *Вероятно, этот шаг дался белорусской стороне с трудом* <...> *Однако разрешение топливного конфликта не означает, что вчера сторонам предстояли «легкие» переговоры*. Вспомним, что в предыдущем тексте той же газеты в отношении Беларуссии доминировала номинация *Беларусь*, в данном контексте неуместная, так как она подчеркивала бы суверенные амбиции этого государства. Вероятно, переход на сугубо официальный тон изложения здесь есть сигнал перехода на более «строгие» со стороны России на данном этапе отношения двух государств.

Иное освещение политической ситуации наблюдаем в других публицистических текстах. В статье **СНГ СТАЛО ДЛЯ ПУТИНА БОКСЕРСКИМ РИНГОМ** Вл. Ворсобин (КП 29.11.06) охарактеризовал территорию СНГ «эсенговской коммуналкой», место встречи в Минске во время Саммита государств-членов СНГ – **боксерским рингом**. После того как стало известно о приостановке по распоряжению А. Лукашенко подачи нефти из России на Запад (4,5.01.07), ассоциативный фон информации некоторых публицистических выступлений стал особенно устрашающим. В радиопередаче от 09.01.07 журналисты сообщили, что *Батька на полной скорости несется к пропасти* и что *Белоруссия роет себе могилу*, Вл. Ворсобин решил, что «нежный» украинский сценарий газовой войны, по которому Москва пыталась смирить Минск, полетел **в тартарары** (КП 10.01.07).

Ернически представлена ситуация «нефтяного» конфликта на страницах газеты «Известия». М. Соколов в статье **СВЯТОЧНЫЙ РАССКАЗ** (12.01.07) начал свое повествование с ситуанта, одного из реальных денотатов события, – *в Беларуссии, сразу обозначив*

возможность некоторого недоверия к реальности повествования: **В Белоруссии** установилась рождественская погода: зазеленела трава, **всюду** чувствовалось пробуждение природы. Такие номинации текста, как *люк землянки, приставная лестница* диссонируют, с одной стороны, с номинациями *дворец, праздничная зала, президентская резиденция*, в которую Александр Григорьевич перебрался из землянки обратно в свои покои, с другой – с лексемами **Минск, Москва, Белоруссия, Россия, Украина, Грузия, Латвия, Эстония, Польша**, являющимися обозначениями официальной сферы функционирования языка. **Восточный союзник** Белоруссии помещен в менее маркированное эмоциональным смыслом помещение – в кабинет. Святочные небылицы: *Протестные силы из России и Владимир Владимирович подъехали к президентской резиденции одновременно <...>. Выстроенные шпалерами перед дворцом* лимоновцы и зеноновцы радостно скандировали <...> *Войдя в праздничную залу, Владимир Владимирович быстро напрыгнул на Александра Александровича, горячо его поцеловал <...>*, конечно, вполне адекватно оцениваются компетентными читателями. Думается, целью журналиста в этой статье является попытка в образно-публицистической форме передать свое видение политического смысла ситуации, который, может быть выражен во фразе якобы А. Лукашенко: *Владимир Владимирович, ты лучше бесплатно поставляй мне все, что им причитается, а я уже им поставлю сам*. ПАФС в данном рассказе предстает в роли реального пространства, и это можно считать стилистическим приемом журналиста, таким образом воздействующим на сознание читателей.

Вл. Ворсобин в тот же день предлагает читателям газет аналогичную по тематике статью под названием **КАЖЕТСЯ, СОЮЗ КОНЧИЛСЯ** (КП 12.01.07). Пространственные номинации здесь в основном указывают на реальные ориентиры (*Беловежская Пуща, западная граница России*), но имеется в отношении Белоруссии яркая метафора: **На западной границе с помощью дешевых нефтегазовых удобрений расцвел чистенький советский образцово-показательный колхоз**.

Бесспорно, соотношение типов пространств в публицистике зависит в первую очередь от соотношения в ее текстах основных функций – информативной и воздействующей. Это получило подтверждение в проанализированном материале статей из РГ – с одной стороны, и КП, Известий – с другой. Диапазон номинаций ПАФС, о которых идет речь, в анализируемых газетных статьях разного времени и разных изданий достаточно широк, но не безграничен: от сдержанных контекстуальных до ярко отрицательных языковых. Приведем некоторые номинации – метафоры, расположив их по степени усиления коннотативной семантики: *землянка, колхоз, боксерский ринг, покои, эсенговская коммуналка, пропасть, могила, тартарары*. Восприятие метафор *землянка* и *колхоз* в эмоциональном ракурсе ироничной усмешки обусловлено контекстом статей, о том же влиянии контекста на восприятие можно сказать по отношению к сочетанию *боксерский ринг*, правда, эмоциональный ракурс здесь будет иным – по-спортивному агрессивным, в остальных номинациях метафорическое употребление к концу ряда становится все более однозначным, уже все менее зависящим от контекста и все определеннее отрицательным. Вероятно, этот диапазон зависит не только от реальных мотивов выплеска эмоций, в нашем случае – поведения сторон в конфликте (что, можно предположить, имеет место в разговорной речи), а в первую очередь от целеустановок изданий: пытаться давать через конструктивную информацию перспективную в смысле общественной значимости оценку (как это представлено в данном случае в РГ) или стремиться нести объективную информацию, но при этом «играть со смыслами» в угоду созданию интриги, интереса, стараться обнажить возможный трагизм (как в статье Вл. Ворсобина) или представить ситуацию в форме фарса (как в статье М. Соколова). Обратим внимание и на тот факт, что эмоциональная сила метафоры и ее воздействующая функция обусловлены не только «словарной» характеристикой, она зависит от контекстного окружения, а также других дискурсивных свойств текста.

Итак, в роли пространственных метафор в публицистике могут употребляться лексемы и устойчивые сочетания с ними, чаще

глагольной природы (см. примеры выше – *рыть себе могилу, мчаться в пропасть, полететь в тартарары*) с хорошо зарекомендовавшим себя использованием в этой роли и за пределами публицистического стиля. Данные метафорические «комплексы» от частого употребления тускнеют, но в мертвые метафоры переходят редко или не переходят вовсе, вероятно, по двум причинам: уже отмеченной нами особенности денотата (*обочина, могила, подполье*), а также из-за невозможности (или сложности) утраты эмоциональных, дискурсивных сем у обозначений целых ситуаций (*скатиться в долговую яму, в тридевятое царство*).

Пространственные метафоры-штампы – частотное для ассоциативного фона события явление. Как представляется, воздействующая сила таких метафор зависит и от количественных характеристик – степени насыщенности ими текста. Приведем в качестве иллюстрации фрагмент статьи Ирины Петровской *УРОК ЦЕЛОМУДРИЯ В ДОМЕ ТЕРПИМОСТИ: Отар Кушанашвили – один из родоначальников жанра, в недавнем прошлом – большой мастер по оплевыванию и погружению звезд в зловонную лужу грязного пиара* <...> *кто как не тот же Андрей Малахов в той же программе «Пусть говорят» выводил на чистую воду знаменитого* <...> *что же, звезды вы наши, от вас останется-то, отвернись разобиженные журналисты от вашей частной жизни? Живых или ушедших в мир иной; и звезды, многие из которых канут в небытие, если пресса потеряет к ним интерес* (Изв. 16.06.06).

Подобные номинации в публицистике легко пополняются из прецедентных текстов, в том числе расхожими фразами из популярных телепередач¹². Например, в статье о проблемах ввоза в Россию недоброкачественного товара встречаем употребление, относящееся к квазицитации (вопрос к Г. Онищенко): *Так потому вы обзавелись охраной? – Ну уж не потому, что «злой грузин ползет на берег»* (РГ 01.12.06). (Сравните с оригиналом: *Злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал*.)

Использование крылатых выражений, фраз из прецедентных и квазипрецедентных текстов в неявной, завуалированной форме намек на них имеет большой экспрессивный

потенциал и неисчерпаемые резервы воздействия. Интеллектуальное напряжение при попытке раскрыть их смысл, всегда остающаяся «загадка смысла» имеют следствием то, что такое использование широко распространено в публицистическом заголовке¹³. Так, выяснению причин ареста М. Прохорова, совладельца компании «Интеррос», богатейшего человека России, на французском горном курорте в Куршевеле, посвящены, например, статья с информативным заголовком *ГЛАВУ «НОРНИКЕЛЯ» МИХАИЛА ПРОХОРОВА ЗАДЕРЖАЛИ В КУРШЕВЕЛЕ* (КП 12.01.07), а также статья *ЛЫЖИ У ПЕЧКИ СТОЯТ* (Изв. 12.01.07). Не вдаваясь в мотивы выбора последнего заголовка, предположим, что журналист, имея в виду выражение *от печки* (снова, с самого начала сделать что-либо¹⁴), намекнул на то, что арест мог быть вызван как вполне банальными причинами несоблюдения неких норм проживания на заграничном курорте, так и более глубокими политическими мотивами. В названии статьи *ЕВРОТУЧИ СГУСТИЛИСЬ НАД МОСКВОЙ* (РГ 27.06.06) содержится оценка взаимоотношений Парламентской Ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) и России, в создании оценки участвует экспрессивный фон сразу нескольких прецедентных текстов – популярных песен (*Над Москвою тучи ходят хмуро; Тучи над гордом встали, в воздухе пахнет грозой*).

Не останавливаясь подробно на данном хорошо изученном на материале публицистики явлении, называемом «обновлением» метафор, фразеологизмов и квазицитированием, обратим внимание на то, что понимание публицистических текстов с подобными составляющими зависит от возможностей адресата: если читатель не вспомнит, например, прецедентный текст, он не только не сможет воспринять определенную информацию, но и не воспримет «момент игры» в тексте, не развернет «зерна других структурных конструкций в тексты»¹⁵.

В ПАФС активно используются лексемы, в словарных толкованиях которых метафорический перенос не зафиксирован или еще не зафиксирован (иногда – зафиксирован непоследовательно, только в некоторых словарях, или с разной оценочной характеристикой). Часто в этих случаях адресат не сможет

воспринять метафору в аспекте ее рациональных характеристик, за образом – прототипом «потянутся» попутные, оценочные ассоциации как личного, так и коллективного опыта. «Размягченное» конкретной картинкой сознание адресата позволяет журналисту, любому автору публицистического текста воспользоваться открывшимся каналом восприятия для формирования оценки, передачи нужного видения ситуации. Иными словами, имеющаяся в сознании адресата оценка реального факта жизненного опыта накладывается журналистом на новую, политическую, экономическую и т.д. ситуацию, и новая ситуация «накрывается» этой оценкой. Читатель неосознанно или осознанно воспринимает ментальную ситуацию вместе с оценкой ситуации реальной. Такие номинации-прототипы не отличаются частотностью тех метафор, о которых говорилось выше, но их воздействующая сила, вероятно, больше. Приведем примеры: *Кто собирается вкладывать в Чукотку «инвестиции»? Достаточно посмотреть на карту России: это похоже на вложение денег в прореху в подкладке кармана. Засунуть их туда можно, но как потом вытащить?* (Изв. 01.12.06); *Россия всегда жила идеями и никогда не станет супермаркетом, куда будут заходить люди ради потребления* (РГ 21.12.06). В статье *ПОСЛЕ 2008 ГОДА УЙДУ В ОППОЗИЦИЮ И БУДУ РУГАТЬ ВЛАСТЬ* (КП 17.06.06) В.В. Путин так характеризует свое жизненное пространство как президента: *Очень хочется побродить по Петербургу, сходить туда, где жил <...> А то как таракан в бронированной банке: из резиденции – в Кремль, из Кремля – в резиденцию.* В статье *ТУРКМЕНБАШИ УМЕР В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ СТАЛИНА* автором найдена такая пространственная метафора для характеристики новой политической ситуации в Туркмении: *Поэтому остается только вспоминать времена Брежнева – Андропова – Черненко и терпеливо ждать, кто выиграет ожесточенную схватку, которая сейчас бушует под ашхабадским ковром* (КП 22.12.06) – намек на схватку борцов.

В связи с рассмотрением лексем, используемых в роли метафор ПАФС, но не имеющих в словарных толкованиях таких переносных значений, хотелось бы сказать

следующее: как показал наш материал, в концептуальном пространстве состав пространственных образов–опор принципиально замкнут, в пространстве ассоциативного фона события он принципиально открыт и может быть описан только в аспекте тех сфер, из которых в данный период или в данной статье берутся ассоциации. Это принципиальное отличие заключается в особенностях явления вторичного лингвосомиозиса по отношению к пространственным метафорам: когда она зафиксирована в словаре и тем самым признана ее языковая природа, переносное значение начинает «обживаться» в языке, теряя связь с «телом» предмета первичного денотата. В такой метафоре культивируются рациональные смыслы, коннотативный же «шлейф», не поддерживаемый образом, стирается, исчезает. У метафоры с «живым» и непосредственным образом этот процесс не происходит, контекстное окружение такой метафоры расширяет денотативное пространство употребления, но не может «увести» из нашего сознания образ первичного денотата и всей ситуации. А это значит, что оценка такого денотата и такой ситуации в реальном пространстве неизбежно всплывает в нашем сознании в момент метафорического употребления и оказывает влияние на восприятие публицистической информации.

Еще один способ влияния на эмоции адресата в процессе реализации воздействующей функции публицистического текста – использование в качестве метафоры номинации целой ситуации. Во-первых, создание ПАФС может происходить с помощью введения высказываний-пропозиций из иных сфер существования как человека, так и животных. Остановимся на заимствовании «пространственных картинок» из сферы ориентации животных. Эту сферу сопровождает стереотипная для человеческого восприятия характеристика и оценка. Например, медведь, который спит в берлоге и гуляет по лесу, неуклюж, но могуч; лиса, снующая по местности и посещающая скотные дворы человека, хитра и изобретательна и т.д. В качестве иллюстрации рассмотрим фрагмент статьи *РОССИЯ ОБЪЯВИЛА ГРУЗИИ БЛОКАДУ* (КП 03.10.06). В роли ассоциативного фона политического события в ней выступает пространственная картинка «из жизни животных».

Поведение М. Саакашвили сравнивается с поведением мальчишки: *Так мальчишка, кидавший камушек в медвежью берлогу, вдруг видит, как топтыгин заворочался и готов подняться во весь рост.* Оценка политических последствий поведения Саакашвили содержится в продолжении картинка – *Заставить разбуженного русского медведя залезть обратно в берлогу оказалось не так просто.* Таким иносказательным, но открыто оценочным способом журналист Вл. Ворсобин выразил свое видение политической ситуации и ее последствий.

Журналист может использовать стереотипные формулы положения или движения физических тел по отношению друг к другу и тем самым переносить эмоции, сопровождающие эти формулы положения, на политические «телодвижения». В репортаже Дм. Соколова-Митрича, озаглавленном *Куда уплывает Крым?* (Изв. 27.07.06), метафоризируется идея политического движения, конкретизированная в подзаголовке – *в сторону России, в сторону Украины.* В предтекстовой врезке сообщается: *Украинские СМИ всерьез заговорили о том, что Крым удаляется от Киева <...> Одним из вариантов будущего Крыма по-прежнему остается возвращение под контроль России.* Нереальные картинка движений полуострова Крым здесь являются основой для выражения политических желаний государств. Одним из таких «физических тел» чаще всего служит человек, и в текстах для усиления воздействующей функции воспроизводится его пространственная ориентация, например: *Сначала Кучма неуклюже лавировал между Москвой и Вашингтоном. Когда же он, отвергнутый Западом, был вынужден окончательно повернуться лицом к России, мы еще шире раскрыли ему свои объятия* (РГ 12.01.06). Сюжетная картинка может расширяться, включая в себя и другие, «поведенческие», социальные движения: *Самое печальное, что своим неуклюжим заигрыванием с остолбеневшим от такой неожиданности Западом Батька напоминает выставленного из дома альфонса, который в поисках ночлега и пищи пытается волочиться за всеми подряд <...> Итак, Лукашенко добился лишь одного – впечатления, что мечется Батька*

в агонии, как в клетке. В Москве ему не доверяют, в Киеве не любят, в Брюсселе ненавидят... (КП 27.01.07).

Создание на базе реальных физических действий, которые доступны зрительному представлению, метафоры с аналогичным физическому политическим результатом можно продемонстрировать на следующем примере: *И вовсе не случайно критические стрелы, которые летят со всего мира в адрес Тегерана, рикошетом бьют по Москве* (РГ 13.01.06). Как представляется, для понимания таких метафор необходимы когнитивные, интеллектуальные усилия. См. показательные в этом отношении примеры: *Некоторый сдвиг действительности в сторону безумия налицо. Но тогда что это за чудовище густеет на горизонте нашего мира?* (РГ 13.01.06); *Огромная спираль Музея Геггенхайма, где разместились около 300 произведений 12–20 веков от Андрея Рублева до Олега Кулика из Русского музея, Эрмитажа, Третьяковской галереи и Музеев Кремля, прошла как бы единым нервом девять столетий русского искусства* (РГ 13.01.06).

Наибольший интерес с точки зрения «дискурсивной силы» представляют случаи, когда ассоциативным фоном события выступают предложения, понимание которых находится в зависимости от политической, экономической и т.д. компетентности адресата. В газете «Комсомольская правда» в одной из статей, посвященной обострившимся отношениям России и Грузии, читаем такую характеристику М. Саакашвили: *Президент готов встретить восход на Западе* (КП 4.10.06). В этой фразе содержится значительный дискурсивный объем, ее же экспрессивный потенциал основывается, вероятно, не только на удачном обыгрывании многозначности слова *Запад*, но и на пропозициональном противоречии. Как представляется, в публицистике существует некоторая формальная структура-клише *Кому-то делать что-то через что-то*, которая имеет «двойное дно» – буквальная семантика используется в ней в основе метафоры, а основным является политический подтекст. Проиллюстрируем воплощение этой формулы примерами. В статье из «Комсомольской правды» высказывается следующая оценка некоторыми политическими силами деятельности в Чечне Руслана Хасбулатова: *та-*

ким образом (Хасбулатов. – О.М.) *пытается войти в Белый дом через Чечню* (РГ 26.12.96). Или совсем недавний пример: *Он (Путин. – О.М.) сможет вернуться к более тесному сотрудничеству с Западом через Германию* (РГ 20.12.06).

Итак, ПАФС позволяет легче воспринять основную информацию текста и, что особенно важно для публицистического дискурса, – завуалировать в образную форму пристрастную оценку. Известная фраза оператора к режиссеру *С какой стороны снимать?* в данном случае может быть перефразирована так: *Что дать в качестве ассоциативного фона, чтобы усилить нужную или ослабить нежелательную оценку события?*

Задача журналиста и всякого адресанта публицистического текста заключается в том, чтобы заставить читателя поверить в то, что общая пространственная картина текста, вместе с ориентирами ПАФС, – не плод его выдумки, его замысла, а реальное положение дел. И тогда коннотативный шлейф метафорических ассоциаций войдет в рациональную область познания мира. Как утверждает Н.Ф. Алефиренко, «культурные значения формируются, в основном, двумя путями: или в процессе предметно-технологической деятельности, или в коммуникативно-прагматической среде»¹⁶. Если предметно-технологическую деятельность «обмануть» нельзя, то коммуникативно-прагматическая среда позволяет оперировать смыслами. В этом отношении сошлемся на гипотезу лингвистической относительности Сепира–Уорфа, «практическим приложением» которой служит утверждение о признании роли языка в процессе познания и его значения для индивидуального и общественного мышления. Одним из главных практических следствий подобного признания, по мнению М.А. Кронгауза, являются «многочисленные попытки изменить язык с тем, чтобы опосредованно воздействовать на мышление»¹⁷. В данном случае мы не будем выяснять мотивы изменения, но подчеркнем, что язык такую способность имеет. В частности, она может выражаться в умелом использовании ресурсов «скрытых смыслов» при введении в текст ориентиров пространства ассоциативного фона события.

Примечания

- ¹ Более подробную характеристику данных типов пространств см.: *Мякшева О.В.* Пространственный ориентир в газетном тексте: «жесткие» и «мягкие» факты // *Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр.* / Под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. Саратов, 2007. (В печати.)
- ² См. об этом: *Алефиренко Н.Ф.* Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М., 2002; *Гак В.Г.* Языковые преобразования. М., 1998; *Топорова В.М.* Концепт форма в семантическом пространстве языка. Воронеж, 1999; *Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.
- ³ Проанализированы следующие словари: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1993; *Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. М., т.1–6, 1991–1994; В 17 т. М., 1950–1965; Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. М., 2004; Толковый словарь русского языка начала 21 века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складерской. М., 2006.*
- ⁴ См. об этом: *Мякшева О.В.* От мельницы до пустомели: Лексемы с пространственной семантикой и их выразительный потенциал // *Изв. МГОУ.* 2007. (В печати.)
- ⁵ *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М., 1999. С.350–351.
- ⁶ Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. С.133.
- ⁷ Там же.
- ⁸ *Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Указ. соч. С.65–66.
- ⁹ *Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. С. 155.
- ¹⁰ *Алефиренко Н.Ф.* Указ. соч. С.6–7.
- ¹¹ Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. С.181.
- ¹² См. о прецедентных текстах, цитации и квазичитации: *Красных В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М., 1998; *Сорокин Ю.А., Михалева И.М.* Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // *Язык и сознание: парадоксальная рациональность.* М., 1993; *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987; *Земская Е.А.* Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет // *Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур.* М., 1996. С.157–169.
- ¹³ См. о видах трансформации цитации в заголовках современных газет: *Земская Е.А.* Указ. соч. С.157–169.
- ¹⁴ *Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова.* М., 1978. С.320.
- ¹⁵ *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб., 2000. С.72.
- ¹⁶ *Алефиренко Н.Ф.* Указ.соч. С.86.
- ¹⁷ *Кронгауз М.А.* Семантика: Учебник для вузов. М., 2001. С.113.

